

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
январь 1982 г.
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

ОБ ОДНОМ ЭПИЧЕСКОМ ПОВТОРЕ

1. В каждом исследовании, касающемся вопросов эпической стилистики, обоснованно подчеркивается роль повтора как характерной черты устной эпики, соответствующей самой природе импровизаторского творчества.¹ Использование в эпосе традиционных тем имеет следствием повторение отдельных слов, лексических блоков, целых стихов и даже законченных эпизодов. Задачей этого краткого сообщения является попытка подтвердить некоторые наблюдения над особенностями поэтической техники "Махабхараты", основываясь на семантическом и формальном анализе дважды повторяющейся строки и ее контекстуальных связей. Данное двустишие встречается впервые в гл.186 "Лесной книги"² при описании времени, предшествующего гибели вселенной в конце Калиюги, последнего из четырех периодов индуистской космогонии и, минимально варьированное, повторяется в гл.188 в сходном контексте. Оба описания входят в состав обширного эпизода - "Бесед Маркандеи" (гл.179-221), их содержание связано с индуистским "мифом творения" в его эсхатологической модификации.

2. В "Беседах Маркандеи" трижды повествуется о гибели вселенной, но рассказ ведется всякий раз в ином ключе. Гл.185 содержит жизнеописание прародителя Ману, сына Вивасвана (Солнца), которого спасает от потопа воплотившийся в рыбе Брахма. В гл.186 царь Юдхиштхира обращается к риши (святому мудрецу) Маркандее как к очевидцу многократно имевшей место в прошлом мировой катастрофы, желая услышать "повествование о причине всего" (186.12), и Маркандея рассказывает о конце Калиюги со всеми сопутствующими ему бедами и напастями, чтобы вновь перейти к описанию всемирного потопа, в водах которого ему предстает Вишну-Нараяна, вобравший в себя весь мир, и, как явствует из дальнейшего, тождественный герою Кришне, который присутствует среди слушателей "Бесед". Третий раз о конце мирового цикла, о бедствиях, грозящих человечеству, говорится как о будущем, "к которому движется вселенная" (188.3). В силу того, что перед повествователем всякий раз стоит новая задача (в "Беседах" тему рассказа задает собеседник Маркандеи - Юдхиштхира), звенья сюжета о гибели мира по истечении юг подвергаются рекомбинации: в качестве главного всякий раз выступает то звено, которое наиболее точно отвечает цели повествования (в жизнеописании Ману - кар-

тина потопа, в прелюдии к появлению Вишну-Нараяны в разливе космических вод – прегрешения человечества как причина нарушения природной гармонии, в предсказании будущего, которое ожидает мир, – зловещие предзнаменования надвигающегося хаоса, чреватого гибелью вселенной).

3. Ситуация острой социальной напряженности описана, таким образом, дважды: краткое описание в гл. I86 занимает около 30 шлок – с I2 по 55, подробное в гл. I88 – около 70, с I2 по 84 (отметим, что для эпической традиции характерно именно такое оформление повторяющихся эпизодов – сначала в кратком, а затем – в развернутом варианте). Оба описания, естественно, содержат сходные смысловые единицы, выделение которых необходимо как для общей характеристики контекста, так и для интерпретации рассматриваемого двустишия. Мысль сказителя неоднократно возвращается к резким нарушениям обязанностей, установленных для каждой из четырех варн (сословий), варновой дхармы (I86.26,28,3I; I88. I4, I8,64): брахманы, вместо того, чтобы толковать веды, совершать жертвоприношения, творить молитву, заняты тем, что положено шудрам ("низким"); цари вместе с кшатрой из защитников подданных превращаются в алчных стяжателей и притеснителей народа; вайшьи пренебрегают ремеслами, земледелием и торговлей, а шудры вместо услужения трем высшим варнам заняты накопительством. Лживость, мошенничество, злоба становятся нормой во взаимоотношениях людей (I86.40).

При общем внимании повествования к изменениям в обычной пищевой норме ("люди будут есть мясо рыб, доить коз и овец, ибо коровы падут на исходе юги", ср. I86.37 – о маломолочности коров и неплодоносности деревьев и I88.23 – об оскудении земли) особо отмечается игнорирование пищевых запретов ("брахманы... станут есть, что придется" – I86.27, ср. I88.40 – "весь мир будет питаться единой пищей" или I88.67 – "люди, забыв о дхарме, будут употреблять в пищу мясо и беспробудно пьянствовать"). На фоне полного морального оскудения человечества, распада семейных связей (I88.25,42), случаев отцеубийства и расправы отцов над сыновьями (I88.28) резко подчеркивается физическая и нравственная деградация женщин: низкорослые и приземистые, производящие на свет многочисленных отпрысков, они пренебрегают добродетелью и истинным поведением (I86.35), лживы и порочны (I86.37), вступают в связь со слугами и даже со скотом (I86.55).

Оба описания обстоятельств, предшествующих гибели мира, указывают на установление власти млеччхов (иноземцев, иноверов, чуж-

дых по своему общественному укладу брахманизированной культуре североиндийцев) как на основную причину нарушения социальной гармонии. (Варварами-млеччками текст называет андров, шаков, пулинов, яванов, камбоджей, шудров и абхиров - 186.29). "Весь мир заполнят млеччки", - таков лейтмотив развернутого описания кануна мировой катастрофы (188.29,37,45,70; ср. 188.52: "люди станут жестокими... всеядными млеччками"). Лучшие люди трех высших вар, страдая под тяжестью дани, устремятся в разные стороны, спасаясь от преследования дасью (так ведийцами назывались враждебные индоариями племена) - 188.61. Естественным следствием полного нарушения социальной стабильности ("когда мир перевернут" - 186.28, 188.64) является кризис общепринятой обрядности: не справляются больше торжественные обрядовые празднества (188.29), семьи не приносят поминальных жертв предкам (188.24,45), девушек не выдают замуж по обычаю, они сами ищут себе женихов (188.29). Показательны отмечаемые в тексте с осуждением отклонения в культурной практике: отринув богов, люди поклоняются бранным останкам (188.64, eḍuka - буддийский реликварий), земля, которую не будут украшать дома богов, кроется вместилищами бранный плоти (188.66).

Как известно, эсхатологические настроения обостряются в мировосприятии древнего общества в связи с нагнетением внутренних противоречий, усугубляемых внешними факторами - военными конфликтами с окружающими социальными объединениями. Не ставя перед собой невыполнимой цели хотя бы приблизительно конкретизировать время и локализацию событий, лежащих в основе "многослойного" по природе эпического обобщения, хотелось бы только отметить в качестве широкого исторического фона, в какой-то мере, возможно, повлиявшего на формирование древнеиндийской эсхатологии, следующие факторы. Процесс распространения брахманизированной культуры Северной Индии сопровождался, очевидно, серьезными "возвратными" явлениями по крайней мере периферийного характера, сочетавшимися с мощным противостоянием "еретических" по отношению к брахманской ортодоксии верований и религиозной практики. Для мифопоэтического сознания явилось закономерным постепенное осмысление глубоких социальных и идеологических сдвигов в общественной жизни в форме грозившей мировой катастрофы.

4. Оба описания конечной стадии мирового цикла содержат следующую шлоку:

at̥ta-ṣūlā janapadāḥ śiva-ṣūlāḥ catuspathāḥ
keṣa-ṣūlāḥ strio rājan bhaviṣyanti yuga - ksāye

(I88.36; в I88.5I союз с частицей *sāri* "а также" заменяет обращение *gājan* "о царь!"). Американский переводчик и исследователь "Махабхараты" Й. А. Б. ван Байтенен, исходя из метафорического понимания двустишия, предложил такое его толкование: "В конце эры край оцетинится сторожевыми башнями, перекрестки дорог – шакалами, женщины – волосами".³ Для стиля "Махабхараты", в целом небогатого художественными метафорами (в отличие от языковых), действительно, характерны двучленные метафорические построения, содержащие одновременно и "загадку", и "отгадку"⁴ (типа "битва–жертвоприношение", "леска–судьба"), однако локальный контекст не способствует восприятию шлоки как метафоры. Опираясь вполне конкретными смыслами, он совершенно лишен минимальной поэтической изощренности: в нем полностью отсутствуют даже столь широко употребительные в тексте памятника сравнения, а в качестве эпитетов фигурируют "вещные" определения.

Первая, вторая и третья пады (полустиишия) данной шлоки организованы с опорой на повторяющийся элемент *ṣūla*, значения которого связаны с понятием острого – "пика", "копье" (в том числе – копье Шивы), "кол для казни", "резкая боль", "колика" и т. п. Учитывая, что в описании конца мирового периода особо подчеркнуто нарушение пищевого "баланса", и опираясь на толкование традиционного комментария к тексту (*attam = annam*, т. е. "пища"), можно предложить для композиты *atta-ṣūla* значение "пищевая колика", тем более, что по закону внутреннего смыслового сцепления, действующему внутри узкого контекста с большой жестокостью, в той же шлоке имеется упоминание о другом роде болезни – *keṣa-ṣūla* "волосы–пики", заболевание волос⁵ (очевидно, типа колтуна), – штрих, дополняющий представление о внешней непривлекательности женщин в преддверии гибели мира.⁶

Наиболее интересной представляется интерпретация сложного определения *ṣiva-ṣūla* ("трезубец Шивы"⁷) к слову "перекрестки". Напомним, что пересечение дорог и по сей день является местом, сакрально маркированным для народного культа на юге Индии.⁸ Именно для **этого** типа богопочитания характерна сходная с шаманистской обрядность – поклонение копью как субституту божества. По-видимому, в этом полустиишии можно усмотреть под влиянием контекста глухой выпад против неарийской аборигенной практики, к которой в конечном итоге восходят многие черты шиваитского культа и мифологии (в частности, перекресток дорог как излюбленное место появления Шивы).⁹ Если предложенные толкования полустииший верны, то

полностью шлока может быть понята следующим образом: "На исходе юги края будут /страдать/ пищевыми коликами, перекрестки дорог станут /местом поклонения/ копью Шивы, а женщины будут /мучиться/ болезнями волос".

5. С точки зрения структуры данная шлока характеризуется параллельным построением всех трех (1-3) информационно наполненных пад. Внутреннее строение шлоки симметрично окружающему контексту, схема которого складывается из тех же блоков: сложносоставное определение + определяемое + сказуемое (глагол bhū "быть" в настоящем или будущем времени) + обстоятельство времени (jugakāye, yugānte, gate yuge и т.п. "на исходе юги").¹⁰ Однородное синтаксическое оформление пад внутри нанизываемых одна на другую однотипных по строению шлок задает повествованию определенно нагнетаемый ритм, способствующий закреплению его семантики.

Значение повтора для организации эпического текста может быть продемонстрировано на всех без исключения уровнях традиционной поэтической техники - от фонетического и морфолого-синтаксического до ритмического и смыслового. Находясь в полном соответствии с кардинальным принципом "узнаваемости", обуславливающим действие механизма восприятия эпической аудитории, повтор как прием композиции способствует актуализации существенного для поэтической традиции смысла.

-
1. О повторе как одной из композиционных особенностей древнеиндийского эпоса см. П.А.Гринцер, Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., Наука, 1974, с.99-108.
 2. Ссылки даются на критическое издание текста третьей книги "Махабхараты": The Mahābhārata, crit. ed. by V.S.Sukthankar, vol.3 (pts 1-2). The Aranyakaparvan, Poona, 1942.
 3. The Mahābhārata, ed. and transl. by J.A.V. van Buitenen, vol.2 Book 3: The Book of the Forest, Chicago, 1976, с.587.
 4. См. Ю.И.Левин, Структура русской метафоры. - УЗ ТГУ вып.181, 130, Тарту, 1965; С.Г.Лазутин, Метафора в загадках. - Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976.
 5. A Sanskrit-English Dictionary, Oxford, 1899, с.310.
 6. Если принять иное толкование слова keśa-śūla ("со щетинистыми волосами"), то его нужно рассматривать как отрицательную характеристику принадлежности женщин к чуждому этносу.
 7. Слову "шакал", которое используется в переводе Ван Бейтенена, в санскрите соответствует обычно śivā. Не имея возможности подробно очертить фонетический облик анализируемой шлоки, подчеркнем, что в звуковом отношении она построена на использовании согласных ś-ś, поддерживаемых j-ś-ś. Сам принцип анграмматического построения текста, когда имя божества (в данном случае - Шива) кодифицируется на фонетическом уровне с но-

мощью составляющих его звуков, с известными коррективами (в частности, имя обычно называется) унаследован эпической традицией в числе других приемов древнейшей поэтической техники.

8. См., напр., *The Mahābhārata ed. and transl. by J.A.V. van Buitenen, vol. 2, с. 207*; ср. о связанных с перекрестком обрядах в средневековой Европе. — А.Я. Гуревич, *Проблемы средневековой народной культуры*. М., Искусство, 1981, с. 139, 140, 164, 165.
9. При общей вишнуитско-кришнаитской тональности рассматриваемого текста не исключено более или менее общее соотношение мифологических представлений о грозном, карающем Шиве и его копье с эсхатологическими мотивами индуистского космогонического мифа.
10. Наличие последних двух блоков факультативно; в случае их отсутствия нарастает число первых сочетающихся блоков, наиболее показательных для контекста.

Л. К. Павловская

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЭВОЛЮЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ
В КИТАЙСКОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(древняя повесть — бяньвэнь-пингуа)

Эволюция исторических сюжетов имеет многовековую историю. Началом этого процесса можно считать, по-видимому, те далекие времена, когда история Китая стала фиксироваться изустно — в преданиях и легендах. Позднее появилась письменная история, и многие предания и легенды вошли в нее составной частью. Сочинения же официальной историографии начали обретать (во фрагментах) новую жизнь в качестве материала повествовательной литературы. Так, например, "Записи историка" Сыма Цяня (145? — 87? гг. до н.э.) стали одним из источников повествовательной прозы. Примером может служить древняя повесть "Яньский наследник Дань" (燕丹子),¹ в которой рассказывается о покушении на циньского Ши-хуана, предпринятом Цзин Кэ — послом царства Янь. Повесть невелика объемом, в ней разрабатывается сюжет, состоящий из двух тем: а) обиды царевича Даня, живущего жадной мести, и б) попытки реализации этой мести — Цзин Кэ соглашается поехать в царство Цинь и убить там правителя. При изложении второй темы неизвестный автор, по-видимому, в значительной степени опирается на биографию Цзин Кэ, изложенную Сыма Цянем в разделе "Жизнеописание мстителей" и частично воспроизводит текст "Жизнеописания".² Однако ряд деталей не совпадают, кое-что привнесено, возможно, самим автором или заимствовано из других источни-